

Нищая... Такие картины нередки в Карачи.

БЫВАЕТ так: остается каких-нибудь десять-пятнадцать минут, и ты в городе, о котором много читал и который давно мечтал повидать, как вдруг сталкиваешься с чем-то неприятным, и оно, это неприятное, заставляет как-то по-особому относиться к тому, что видишь впоследствии. Так случилось со мной, когда я впервые попал в Карачи. Едва мы покинули аэропорт, как оказались в районе военно-воздушной базы Дригроуд. Дома, бараки, складские помещения, обнесенные колючей проволокой. Пронзительный вой несущихся прямо над головой военных самолетов. Ни одного человека в штатском.

Гнетущее ощущение еще более усилилось, когда автомашина, миновав территорию базы, понесла нас мимо лагеря беженцев-мусульман — живого свидетельства трагедии 1947 года. Хижины, сколоченные из кусков фанеры, ржавых листов железа и еще какого-то хлама. Возле них хлопчущие по хозяйству женщины и стайки детей, играющих в клубах пыли. Никакой зелени — каменистая земля и палящее солнце. Картина не из веселых.

Несколько позднее нам довелось встретить еще один такой же лагерь по другую сторону города. Надпись на прибитой к столбу табличке гласила, что он разбит на земле, принадлежащей главе секты исмаилитов Ага-хану.

Год или полтора спустя люди из этих лагерей были переселены в дома из рифленого железа — дар сердобольного дядюшки Сэма. В них холодно зимой и невыносимо жарко летом...

Въехав в город, мы оказались в каком-то невообразимом водовороте почти всех известных человечеству видов наземного транспорта. Сплошным потоком двигались велосипедисты, легковые автома-

шины, автобусы и трамваи. Важно и невозможно пересекали им дорогу верблюды, нагруженные связками сухой травы. Реже встречались буйволы, запряженные в телеги, лошади с двухколесными тонгами. Обрамляли этот поток нескончаемые вереницы пешеходов. Впечатление было такое, будто все стремятся обогнать друг друга. Казалось, разобраться во всем этом могут лишь сами пакистанцы.

Как выяснилось вскоре, это отчасти объяснялось тем, что в Карачи до последнего времени не было ни одного светофора. Первый светофор появился в середине 1958 года. Его торжественно открыл тогда премьер-министр Пакистана Малик Фироз-хан Нун. К настоящему времени их немногим больше десятка. Разумеется, в известной мере эти светофоры упорядочили движение на перекрестках. Однако, чтобы еще более разрядить напряженность движения на улицах, с 1 января 1960 года власти запретили пользоваться велорикшами...

Чем ближе знакомишься с Карачи, тем больше убеждаешься, что он прямо-таки переполнен контрастами и противоречиями.

ПО КАРАЧИ БЕЗ

Ярко выраженный аристократический район города — Клифтон. Прямые широкие улицы поражают чистотой. Но наводят ее не специальные машины. За этим следят подметальщики. По утрам можно видеть, как они, сидя на корточках, тщательно убирают свои участки. Перед каждым домом небольшая лужайка, сами дома утопают в зелени деревьев. Где-нибудь сбоку — теннисная площадка. Здесь не увидишь простого человека, бедняка. Если он и забредет сюда, ему тотчас предложат убраться во-свояси. В противном случае придется прогуляться до ближайшего полицейского участка.

По-иному выглядит старая часть города — район, населенный трудовым людом. Кривые улочки до предела стиснуты трех-, четырехэтажными домами. Поперек улиц, на уровне второго и третьего этажей, протянуты веревки, на которых сушится белье. Лучи солнца не проникают на дно таких улиц. Там постоянно царит полумрак. О какой-либо санитарии или гигиене говорить не приходится. Помои из окон и дверей выплескиваются прямо на улицу. Сточные канавы — открытые, отчего в воздухе все время стоит запах нечистот. Он становится просто невыносимым после того, как пройдет дождь и начинается сильное испарение. В жаркие дни в поисках прохлады многие обитатели этих кварталов покидают душные комнаты и ночуют прямо на тротуарах, присоединяясь к бездомным. А их здесь не так уж мало.

Зелени в рабочих кварталах не видно. Правда, если есть хоть малейшая возможность разбить газон, карачинцы не упускают ее. Встречающийся порой такой газон, обнесенный колючей проволокой, крайне невелик по своим размерам, но зато носит громкое имя какого-нибудь могольского императора.

Из-за постоянной нехватки солнечного света дети в этих кварталах бледны и, как правило, физически недоразвиты.

Недалеко от морского порта на полтора-два километра протянулась Саут-Нэйпиер-роуд, улица ночных притонов и публичных домов. Официально проституция в Карачи запрещена, но зато узаконена профессия такси-герлс. Практически это та же торговля телом.

В 1961 году газета «Доон» сделала сенсационное открытие: почти в центре Карачи, в нескольких метрах от центрального почтамта, была обнаружена колония прокаженных, где проживает несколько сот человек: старики и дети, мужчины и женщины. В сообщении приводился факт, что один из них попал сюда более 50 лет назад еще совсем молодым.

Чтобы добыть хоть какие-нибудь средства к существованию, они просят милостыню на центральных улицах Карачи, выставя напоказ пораженные болезнью руки, ноги и другие части тела. Муниципалитет «забыл» об этих несчастных калеках. Не помнит о них и министерство здравоохранения. В бюджете на 1962/63 год оно предусмотрело на общественное здравоохранение всего лишь 3466 тысяч рупий. Неудивительно поэтому, что в Пакистане только от проказы ежегодно умирает около ста тысяч человек.

Буквально в нескольких шагах от колонии находится Маклеод-роуд, карачинская Уолл-стрит, где расположены конторы иностранных банков «Ллойдз бэнк», «Нэйшнл энд Гриндлэйдз бэнк», «Истерн бэнк»... Примечательно, что банк пакистанского предпринимателя Хабиба представлен пока лишь одной рекламой. Здесь же находится хлопковая биржа Коттон Иксчендж, барометр деловой активности. А совсем недавно неподалеку появилось новое здание — Национальный банк Пакистана.

Одной из насущных проблем Карачи является водоснабжение. Имеющихся в городе водоразборных колонок не хватает. В жаркие летние дни муниципалитет организует доставку воды в город автоцистернами. Но и этого мало: длинная очередь тотчас же опустошает их. Столь бедственное положение с водой объясняется тем, что население Карачи быстро растет, а муниципалитет отказывается строить новый водопровод, ссылаясь на нехватку средств. Правда, это не мешает ему планировать строительство в районе Клифтона фешенебельного отеля с бассейном для иностранных туристов. Более того, несколько центральных площадей за последние годы украсились дорогостоящими фонтанами. Два из них (один в форме какой-то модернистской конструкции с музыкальным механизмом) были поспешно соору-

ПУТЕВОДИТЕЛЯ

Л. КОЧЕТКОВ

В последнее время были предприняты кое-какие усилия по наведению чистоты на улицах старого Карачи. Активную роль в этом играет Карачинское отделение общества Красного Креста. Было выпущено несколько фильмов о причинах распространения туберкулеза и холеры. Введены штрафы для владельцев торговых заведений, перед которыми замечен мусор и т. д. Но все это, разумеется, не привело к сокращению заболеваемости туберкулезом людей, чей организм истощен постоянным недоеданием, изнурительной работой и ужасными жилищными условиями.

жены накануне визита в Карачи в 1959 году президента США Эйзенхауэра. Фонтаны, несомненно, украсили город, но питьевой воды в нем от этого не прибавилось.

Виктория-роуд — торговая магистраль города (снимок слева). Это тоже Карачи (снимок справа).

Говоря о Карачи, нельзя не рассказать о его базарах... Наиболее крупные из них — Бори-базар, почти в центре Карачи, Импресс-маркет, Ли-маркет, Бомбей-базар. На базаре можно купить все, от самого модного синтетического материала до старого сломанного замка и дверной ручки. Продаются яркие местные украшения, живые перепела, крашенные птички, авторучки, работающие всего один день, попугаи, старая одежда... Наибольшее впечатление производит Импресс-маркет, крупнейший продовольственный базар Карачи. На его прилавках увидишь все, что дает пакистанская природа, Аравийское море и местная пищевая промышленность, — фрукты, овощи, рыбу, дичь, кондитерские изделия, и над всем этим... миллионы мух.

Как крупнейший в стране промышленный центр Карачи стал заметно расти в последнее время. На юго-западной окраине города появился целый район, занятый промышленными предприятиями, в основном сборочными цехами, ремонтными мастерскими и текстильными фабриками. К сожалению, и здесь преобладают вывески западных фирм: Форд, Зингер и т. д. Эмблемы национальных компаний видны лишь на воротах текстильных предприятий. Таково уж характерное для ряда слаборазвитых стран разделение сфер производства.

На предприятиях преобладает ручной труд. Уровень механизации самый низкий, подстать ему заработная плата. В среднем рабочий получает в день две рупии четыре анны. И на эту нищенскую зарплату ему порой приходится содержать целую семью. Зарплата же неквалифицированного рабочего, занятого, например, на строительстве (готовящего раствор, подносящего кирпич...), просто мизерна — четыре анны в день, на которые можно купить несколько пучков зелени на базаре, маленькую лепешку и чашку чая. Едят такие рабочие один раз в сутки.

Начальное образование в Пакистане считается обязательным, но низкий жизненный уровень, недостаток школьных зданий и учителей приводит к тому, что в одном лишь Карачи, по сообщению газеты «Доон», около 100 тысяч детей не посещают школу. Учеба же в высших учебных заведениях тем более труднодоступна. Среди высших учебных заведений столицы самым большим считается Синдский мусульманский колледж. Карачинский университет первоначально находился в центре Карачи. В настоящее время ведется строительство университетского городка в пригороде. Некоторые факультеты уже переведены туда из-за тесноты в старом здании университета. Второй же причиной явилось, по-видимому, стремление властей оторвать молодежь университета от политической жизни Карачи. Ведь пакистанские студенты очень живо реагируют на события как внутри страны, так и вне ее.

Помнится, как в феврале 1961 года, после того как стало известно об убийстве Патриса Лумумбы, тысячи студентов Карачи вышли на демонстрацию перед зданием Информационного центра ООН. Организатором демонстрации явился студенческий совет Синдского мусульманского колледжа. Почти все члены совета были тотчас арестованы и приговорены к различным срокам тюремного заключения. Однако это вызвало целую волну студенческих забастовок протеста, которая перекинулась в другие города. Результатом столь дружного выступления явилось досрочное освобождение студенческих лидеров.

Подавляющее большинство молодежи проявляет значительный интерес к жизни Советского Союза и

хочет знать о ней как можно больше. Однако на этом пути имеются определенные препятствия. Ни одна библиотека учебных заведений Карачи, которые мне довелось посетить, не располагает книгами о Советском Союзе, написанными советскими авторами. Зато нет недостатка в творениях «русских эмигрантов» и нерусских клеветников. Распространением такой литературы занимается американский информационный центр. Дело доходит иногда до несуразностей. Так, на факультете политических наук считается обязательным знание конституций крупнейших стран мира, в том числе и Советского Союза. Однако ни у одного из студентов нет текста Конституции СССР, которая включена в список... подрытой литературы.

Почти четыре года довелось мне прожить в Карачи. Когда я той же дорогой возвращался на родину, лагеря беженцев уже не было. Зато на Дригроуд жизнь по-прежнему бурлила. Тот же отвратительный вой военных самолетов, та же колючая проволока. Невольно напрашивалась мысль о том, сколько же денег бесцельно тратится на все эти дригроуды, тогда как пакистанский народ никак не может вырваться из тисков вековой отсталости и нужды?!

ТОЛЬКО ФАКТЫ

„КУПИТЕ МОЮ КРОВЬ“

Так называлась статья, опубликованная в тайваньской газете «Лянхэ бао». Газета сухо сообщала, что многие жители острова — «видимо, под давлением нужды» — избирают профессию донора и при этом «не останавливаются перед нарушением закона».

Оказывается, по официальному положению донор может сдавать не больше 250 кубических сантиметров крови за два месяца. За каждые 100 кубических сантиметров он получает 200 юаней — сумма, недостаточная даже для того, чтобы дважды в день есть рис. А ведь надо еще платить налог за донорское свидетельство...

По сообщению газеты, один из тайваньцев накануне Праздника весны поставил своеобразный рекорд: за месяц он сдал три тысячи кубических сантиметров крови. «На этих доноров страшно глядеть», — пишет газета «Чэнтун ваньбао». — На свете есть немало тяжелых профессий, но едва ли не самая тяжелая — это профессия людей, вынужденных за кусок хлеба продавать свою кровь».